

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

А.А. Манухин^{*}

(МГТУ имени Н.Э.Баумана, г. Москва)

АТЛАНТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ США: ПОИСК НОВЫХ ТОЧЕК ОПОРЫ

В американском внешнеполитическом мышлении прочно утвердилось представление о необходимости влиять на основные тенденции мирополитического развития. В последнее время Вашингтон прибегает к диверсификации способов обеспечения национальной безопасности и обороны. Характерной чертой отмеченного процесса является реструктурирование системы союзов США с точки зрения их интересов. Новое значение в этом контексте приобретает НАТО — крупнейший в мире военно-политический блок под эгидой Вашингтона, а также атлантизм как явление мировой политики.

В атлантизме мы можем выделить три составляющие: во-первых, внешнюю политику и политику безопасности США на евроатлантическом и смежном направлениях, во-вторых, отношения между государствами, входящими в НАТО, и деятельность самой этой организации, наконец, в-третьих, компонент американской внешнеполитической идеологии¹. Таким образом, атлантизм представляет собой как идейно-политическую систему, так и практическую политику. В настоящее время атлантизм находится в состоя-

^{*} Манухин Алексей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, Москва (e-mail: warcraftdouble@yandex.ru).

¹ Войтоловский Ф.Г. Идеология и практика атлантизма во внешней политике США: Дисс. ... докт. полит. наук. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 4.

нии «реверсии» под влиянием финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., сократившего возможности и стремление союзников (стран-членов НАТО) использовать политико-силовое регулирование международных отношений, особенно за пределами евроатлантического пространства¹. По этой причине основными чертами современного атлантизма являются повышение боеспособности союзников, укрепление отношений с партнерами, т.е. странами, с которыми он имеет индивидуальные программы партнерства и сотрудничества (Individual Partnership and Cooperation Plans), отражение нетрадиционных угроз безопасности.

В данной статье рассматриваются следующие аспекты указанной тематики: проблема переоценки в США приоритетов американской политики безопасности и обороны в конце прошлого и в начале нынешнего десятилетия; отражение данного процесса на внутренней структуре, функциях и программах НАТО; укрепление присутствия НАТО на традиционном евроатлантическом направлении и выход на новые рубежи; использование США «обновленного» атлантизма для создания архитектуры безопасности в других ключевых регионах мира.

* * *

В минувшем десятилетии американская внешняя политика столкнулась с рядом объективных проблем. Первая из них состояла в кризисе трансатлантических отношений в 2000-х гг., вызванном унилатерализмом администрации Дж.У. Буша в принятии решений об использовании военной силы. Прежде всего, речь идет об интервенции в Ирак, осуществленной «коалицией желающих» без НАТО. Антиамериканизм стал «модной тенденцией» континентальной европейской политики².

Ведущие страны ЕС выражали озабоченность повышением своей роли в совместных операциях НАТО³. Они не спешили оказывать США поддержку в расширении альянса за счет Украины и Грузии, что

¹ Там же. С. 12.

² Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского союза / Под ред. Н.К. Арбатовой. М.: ИМЭМО РАН, 2009.

³ BBC News. Nato Denies Georgia and Ukraine. 03.04.2008. URL: <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/7328276.stm>> (дата обращения: 01.02.2015).

проявилось в результатах Бухарестского саммита 3 апреля 2008 г., когда европейцы не поддержали предоставление указанным странам Планов действий по подготовке членства в НАТО (Membership Action Plans)¹. Недовольство таких стран, как Франция и Германия, не в последнюю очередь было вызвано тем, что администрация Дж. Буша-младшего откровенно делила Европу на «Старую» и «Новую», представленную «молодыми» членами ЕС и НАТО в Центральной и Восточной Европе².

Вторая проблема была связана с повышением стратегического потенциала ряда развивающихся стран, на сегодняшний день составляющих клуб БРИКС. Из них наибольшую озабоченность у Вашингтона вызывали Китай и Россия: первый — как страна, демонстрирующая высочайшие темпы экономического роста и влияющая на экономику самих США, активно внедряющаяся в регионы, которые представляют для Белого дома наибольший интерес³; вторая — по причине роста ее внешнеполитической активности, возможностей влияния на позицию стран Европы за счет поставок энергоносителей и намерения жестче отстаивать свою безопасность (возобновление полетов российских стратегических ракетноносцев, «пятидневная война» с Грузией в августе 2008 г. из-за Абхазии и Южной Осетии).

Наконец, существенную роль сыграл удар, который нанес по американской и в целом западной экономике мировой финансово-экономический кризис. Одним из его последствий стало сокращение возможностей США и особенно их союзников выделять прежний объем средств на оборону и наращивать свое участие в военных операциях за рубежом. Операции в Афганистане и Ираке обнаружили серьезные трудности как в достижении военной победы, так и в налаживании гражданской инфраструктуры, обеспечении внутривнутриполитической стабильности этих стран.

¹The North Atlantic Treaty Organization. Bucharest Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Bucharest on 3 April 2008. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_8443.htm?selectedLocale=en> (дата обращения: 01.02.2015).

²BBC News. Outrage at “Old Europe”: Remarks..2003. 23 января.URL: <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2687403.stm>> (дата обращения: 01.02.2015).

³Paulson H.M., Jr. A Strategic Economic Engagement: Strengthening U.S.–China Ties // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87. N 5 (September–October). P. 59–77.

Американские аналитические центры учитывали вышеперечисленные факторы. Так, в докладе Национального совета по разведке 2008 г. отмечалось, что увеличение роли «негосударственных игроков» (бизнеса, этнических диаспор, религиозных организаций, террористов и криминалитета), происходящее одновременно с ростом диспропорций между регионами, не позволит в будущем придерживаться «единого, всеобъемлющего подхода к глобальному управлению»¹.

В Стратегии национальной безопасности 2010 г. эти положения были усилены: утверждалось, что первостепенной задачей становится «согласование интересов и перспектив ведущих держав и групп стран меньшего статуса в рамках многосторонних механизмов и режимов»². Близкие выводы содержались в Стратегии национальной обороны 2008 г. и Четырехгодичном оборонном обзоре 2010 г., в которых указывалось на необходимость развития «комбинированного» подхода за счет большего сотрудничества военных и гражданских структур, участия военных в решении инфраструктурных, продовольственных, санитарных и экологических проблем³.

Такая постановка основополагающих задач создавала благоприятные условия для укрепления отношений со старыми союзниками и партнерами и поиска новых. Применительно к НАТО дополнительные выгоды для США заключались в том, что, несмотря на разногласия, к концу 2000-х гг. в развитии данной организации был достигнут ряд успехов. В состав альянса вошли почти все страны Центрально-Восточной Европы. Начало реализации проекта размещения третьего позиционного района национальной противоракетной обороны США (НПРО) в Европе стало ярким проявлением унилатерализма администрации Буша-младшего, логическим продолжением выхода из Договора по ПРО с Россией в 2002 г.

В представлении многих атлантистов требовалось не изменение отношений между союзниками внутри НАТО, а принятие ею на себя

¹ U.S. National Intelligence Council. Global Trends-2025: A Transformed World. November 2008. Washington (D.C.), 2008. P. 25, 81–82.

² U.S. White House. The National Security Strategy of the United States. May 2010. Washington (D.C.), 2010. P. 10.

³ U.S. Department of Defense. National Defense Strategy. June 2008. Washington (D.C.), 2008.

глобальных функций. Отдельные западные исследователи еще в середине 2000-х гг. утверждали, что пришло время для трансформации НАТО в «глобальный альянс демократий»¹. Другие высказывались значительно осторожнее, отмечая неподготовленность атлантических структур к переводу стран-партнеров в статус полноценных союзников и превращению самой НАТО из оборонительного союза, обеспечивающего безопасность на определенной территории, в глобальную организацию коллективной безопасности². Отмечалось, что окончательное единство НАТО не может быть достигнуто без выработки общего видения безопасности между Североатлантическим альянсом и ЕС³.

Отчасти «новаторская» риторика НАТО создавала у отдельных стран завышенные ожидания, что ярко проявилось в случае с Грузией и Украиной. Во второй половине 2000-х гг. Тбилиси неоднократно занимал позицию, из которой следовало, что развитие партнерских программ Запада с Грузией и стратегическая важность всего Южного Кавказа являются достаточным обоснованием для получения любой политической поддержки⁴. В Украине звучали высказывания ряда экспертов в пользу вступления в НАТО как гарантии институциональной демократизации, которая сама по себе — вне взаимодействия с ЕС — приведет к большей эффективности управления экономикой⁵.

Новая администрация Б. Обамы придерживалась промежуточной точки зрения, согласно которой долгосрочные интересы США должны обеспечиваться, в том числе, по линии диалога с потенциальными противниками. Весьма отчетливо это прослеживалось в подходе к восстановлению отношений с Россией. «Баланс» между

¹ *Daalder I., Goldgeier J.* Global NATO // *Foreign Affairs*. 2006. Vol. 85. N 5 (September–October). P. 103.

² *Hallams E.* NATO at 60: Going Global? // *International Journal*. 2009. Vol. 64. N 2. P. 424.

³ *Asmus R.D.* Europe's Eastern Promise: Rethinking NATO and EU Enlargement // *Foreign Affairs*. 2008. Vol. 87. N 1 (January–February). P. 95–106; *Drozdiak W.* The Brussels Wall // *Foreign Affairs*. 2010. Vol. 89. N 3 (May–June). P. 7–12.

⁴ *Гаджиев К.С.* «Большая игра» на Кавказе: вчера, сегодня, завтра. М.: Международные отношения, 2012. С. 188.

⁵ *Melnykovska I.* NATO als ein potentieller Katalysator der institutionellen Konvergenz — der Fall Ukraine. Berlin: Arbeitspapiere des Osteuropa-Instituts, 2009. Heft 68/2009. S. 28–30.

интересами США и России держался на молчаливом американском обещании не форсировать расширение НАТО на восток¹. Такая политика вызвала временное отчуждение восточноевропейских стран, особенно Польши, рассматривавшей свой вклад в иракскую и афганскую кампании НАТО как плату за обеспечение ее безопасности в случае угрозы со стороны России².

В сентябре 2009 г. администрация Обамы заявила об отказе от строительства третьего позиционного района НПРО в Европе, не приняв в то же время идею «секторальной ПРО», выдвинутую вскоре после этого президентом Д.А. Медведевым. Заключение Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) между США и Россией в апреле 2010 г. стало высшей отметкой, которой достигла российско-американская «перезагрузка». Партнерское взаимодействие по линии Совета Россия–НАТО, приостановленное после войны в Грузии августа 2008 г., было восстановлено сравнительно быстро. Отдельные крупные эксперты высказывались о том, что наступил момент для принятия России в НАТО³. Однако, как показало время, такие оценки были неоправданно оптимистическими.

В декларации Лиссабонского саммита НАТО 19–20 ноября 2010 г. отмечалось, что альянс должен сделать упор на развитие «новых партнерских отношений»⁴. Отмечалось, что если ранее США слабо взаимодействовали с европейскими союзниками в работе со странами-партнерами, то теперь европейцы под эгидой Вашингтона должны были участвовать в повышении обороноспособности и развитии гражданской инфраструктуры отдельных значимых региональных игроков. Также на саммите была принята программа Активной эшелонированной ПРО на театре военных действий (Active

¹ NATO and the Issue of Russia / Ed. by E.D. Gorman. N.Y.: Nova Science Publishing, 2010. P. 134.

² Hynek N., Ditrych O. Ostmitteleuropa in der NATO: neues strategisches Konzept, Raketenabwehr, Afghanistan // Osteuropa. 2012. Bd 62. Heft 2. S. 106.

³ Kupchan Ch.A. NATO's Final Frontier // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. N3 (May-June). P. 100.

⁴ The North Atlantic Treaty Organization. Lisbon Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Lisbon on 19–20 November 2010. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm?selectedLocale=en> (дата обращения: 01.02.2015).

Layered Theatre Ballistic Missile Defense) «для защиты территории, населения и вооружений Европы»¹. В то время как США сохраняют свое стратегическое и тактическое ядерное оружие в Европе, союзники должны вносить больший вклад в сфере конвенциональных вооружений.

Данная политика входит в Европейский поэтапный адаптивный подход (European Paced Adaptive Approach), инициированный администрацией Обамы взамен НПРО в Европе. Несмотря на трудности в противодействии российским стратегическим ядерным силам (СЯС), потенциально система создает угрозу для России в виде развертывания противоракет типа SM-3 Block 2В². В ответ Москва отказалась от выполнения Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), поскольку страны НАТО не пошли на заключение его адаптированного варианта³. Продолжались совместные тренировки в рамках центра Россия–НАТО по перехвату баллистических ракет, имевшие перспективу для дальнейшего углубления с участием Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ)⁴.

С началом в 2013 г. украинского кризиса отношения России и НАТО последовательно ухудшаются. Украина наряду с Грузией рассматривается альянсом как приоритетный партнер на постсоветском пространстве. После включения Крыма в состав России на совещании министров иностранных дел НАТО 1 апреля 2014 г. было объявлено о свертывании «всякого практического сотрудничества с Россией»⁵. По мнению многих экспертов, современные события в Украине стали долгожданным поводом для возрождения альянсом его традицион-

¹ Ibid.

² Десять лет без Договора по ПРО: Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях / Под ред. С.М. Рогова. М.: РСМД; ИСКРАН, 2012. С. 4–7.

³ Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобищев В.К., Пикаев А.А. Отношения России и НАТО (перспективы новой архитектуры безопасности, сокращение ядерных потенциалов, ДОВСЕ). М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 58–59.

⁴ Десять лет без Договора по ПРО: Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях / Под ред. С.М. Рогова. М.: РСМД; ИСКРАН, 2012. С. 65–72.

⁵ The North Atlantic Treaty Organization. Wales Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Wales on 5 September 2014. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?mode=pressrelease> (дата обращения: 01.02.2015).

ных (и проверенных временем) функций сдерживания Москвы, чтобы «не допустить ее возвращения в Центральную Европу»¹.

Под знаком противостояния с Россией 4–5 сентября 2014 г. прошел саммит НАТО в Кардиффе (Уэльс, Великобритания) Информационный климат вокруг него был во многом подготовлен заявлениями о развертывании новых баз альянса в странах Балтии, Польше, Румынии и Болгарии. На саммите был принят План действий по повышению обороноспособности (NATO Readiness Action Plan), названный ответом на «вызовы, созданные действиями России и их стратегическим влиянием». Он предполагает «постоянное воздушное, наземное и морское военное присутствие в восточной части альянса». Главным его компонентом была обозначена Совместная оперативная группа повышенной готовности (Very High Readiness Joint Task Force), размещенная в Восточной Европе. Бывший генеральный секретарь НАТО А.Ф. Расмуссен назвал ее «наконечником копья» («spear head»). Для координации действий группы на территории Латвии создается Стратегический коммуникативный тренировочный центр (Strategic Communication Centre of Excellence)².

Непосредственно перед саммитом президент Обама встретился в Таллинне с президентами Эстонии, Латвии и Литвы. Вашингтон дал понять, что прибалтийский регион рассматривается в качестве передового фланга новых военных мероприятий НАТО, связанных с его видением безопасности на восточных рубежах Европы³. Роль России расценивается как деструктивная в сфере безопасности в Европе, в то время как сам альянс предстает единственным гарантом ее укрепления⁴. На совещании министров обороны стран НАТО 5 февраля

¹ Малевич И.С. У НАТО открылось второе дыхание // Национальная оборона. 2014. № 10. С. 4–11.

² The North Atlantic Treaty Organization. Wales Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Wales on 5 September 2014. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?mode=pressrelease> (дата обращения: 01.02.2015).

³ U.S. White House. Remarks by President Obama and Leaders of Baltic States in Multilateral Meeting. 03.09.2014. URL: <<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/09/03/remarks-president-obama-and-leaders-baltic-states-multilateral-meeting>> (дата обращения: 01.02.2015).

⁴ The North Atlantic Treaty Organization. Deputy Secretary General: Russia's Aggression is a Game-Changer in European Security. 05.02.2015. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_117068.htm> (дата обращения: 08.02.2015).

2015 г. численность сил «наконечника копья» было решено увеличить с 15 до 30 тыс. человек¹. Из этого следует, что действия НАТО фактически перечеркивают попытки европейской дипломатии найти решение украинского кризиса совместно с Россией, которое объективно могло бы вывести отношения Россия–НАТО из тупика.

* * *

Поворотным моментом в развитии доктринальных основ атлантизма стала работа США и их союзников над новой Стратегической концепцией альянса. Вместо практикуемых ранее продолжительных официальных переговоров на нескольких уровнях с принятием противоречащих друг другу проектов группа экспертов во главе с бывшим госсекретарем США М. Олбрайт совершила рабочие визиты в столицы целого ряда стран мира, активно сотрудничая с группами интересов². Рекомендации, представленные группой экспертов в мае 2010 г., легли в основу Стратегической концепции НАТО, принятой на Лиссабонском саммите. Главным элементом новой концепции стали нововведения такие понятия, как «активное вовлечение» и «современная оборона». В рамках данного подхода альянс возлагает на себя задачу «проводить необходимую подготовку, обучение, планирование операций контингентов, осуществлять обмен информацией»³.

Опыт Афганистана и Ирака позволил американским стратегам сделать вывод, что «военная составляющая сотрудничества недостаточна»⁴. В соответствии с процитированными выше американскими программными документами о тенденциях мирового развития предполагалось использование «гражданских» средств разрешения региональных кризисов: обеспечение сохранности и воспроизводимости ресурсов; развитие науки; улучшение транс-

¹ The North Atlantic Treaty Organization. Defence Ministers Agree to Strengthen NATO's Defences, Establish Spearhead Force. 05.02.2015. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_117188.htm?selectedLocale=en> (дата обращения: 08.02.2015).

² Understanding NATO in the 21st Century. Alliance Strategies, Security and Global Governance / Ed. by G.P. Herd, J. Kriendler. N.Y.: Routledge, 2013. P. 17–18.

³ The North Atlantic Treaty Organization. Lisbon Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Lisbon on 19–20 November 2010. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm?selectedLocale=en> (дата обращения: 01.02.2015).

⁴ Ibid.

портной, жилищной и особенно информационной инфраструктуры; целевая подготовка политических элит. Эта работа включает в себя активное использование технологий «сетевой войны», в том числе за счет организации массовых акций с использованием возможностей НКО и социальных сетей¹.

Возможно, самым заметным новшеством, представленным на Лиссабонском саммите НАТО, является положение о борьбе за «всеобщее достояние» (Global Commons)². Под этим понимается стремление к обеспечению равного доступа ко всем мировым ресурсам, что отвечает идее формирования глобального общества на гуманистических началах. «Всеобщее достояние» открывает для человечества «новые политические пространства», альтернативные географическому пространству³. Наибольшие практические успехи достигнуты по линии обеспечения безопасности киберпространства. На базе Центра передового опыта по совместной защите от киберугроз (Cooperative Cyber Defense Centre of Excellence) в Таллинне, созданного в мае 2008 г., началось проведение учений по отражению кибернетических атак⁴. На уровне американских вооруженных сил задачи отражения киберугроз и ведения кибервойны возложены на новое киберкомандование (Cyber Command) в составе ВВС США.

Подразумевается, что физический контроль над территорией и ресурсами сменяется борьбой против факторов, ограничивающих использование «всеобщего достояния». Подобные тенденции в доктринальном развитии НАТО приводят некоторых исследователей к

¹ Сетевые технологии в информационных операциях НАТО и зарубежных неправительственных организациях в ходе цветных революций и военных конфликтов / Под ред. Ю.В. Беликовой, А.В. Крикунова, А.В. Королева. М.: Академия ФСОРФ, 2012. С. 6, 7, 8, 11.

² The North Atlantic Treaty Organization. Lisbon Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Lisbon on 19–20 November 2010. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm?selectedLocale=en> (дата обращения: 01.02.2015).

³ Международные отношения России в «новых политических пространствах»: Космос. Приполярные зоны. Воздушные и морские пространства. Глобальная информационная сфера / Под. ред. А.Д. Богатурова. М.: ИПМБРАН, 2011. С. 44–45.

⁴ The North Atlantic Treaty Organization. Wales Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Wales on 5 September 2014. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?mode=pressrelease> (дата обращения: 01.02.2015).

выводам о ее стремлении к превращению в глобальную наднациональную структуру, которая полностью демонтирует национальный суверенитет¹.

Включение подобных формулировок в программные документы НАТО является заметным новшеством, однако, обратившись к истории трансатлантических отношений, можно вспомнить, что идеи придать альянсу «гуманитарные» функции вынашивались еще в начале 1970-х гг. и исходили они от команды президента США Р. Никсона. Тогда инициативы Вашингтона о создании при НАТО Комитета по вызовам современному обществу не встретили понимания у европейских союзников, которые полагали, что эти новые функции распылят силы организации².

В настоящее время между США и рядом государств мира имеются серьезные трения в международно-правовых областях, касающихся «новых политических пространств» и управления ресурсами планеты. Так, США не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву. Совместно с другими арктическими странами-членами НАТО ими разрабатываются методы для добычи углеводородов на морских шельфах³. Предложения США об установлении «океанического соуправления» Арктикой наталкиваются на сопротивление не только России, но также Канады — союзника по НАТО. Канада не позволила внести в Стратегическую концепцию 2010 г. каких-либо конкретных ссылок на идеи «океанического соуправления»⁴. Вольная трактовка США имеющихся международных соглашений о статусе космического и киберпространства встречает негативную реакцию со стороны России и Китая⁵.

¹ Ермаков С.М. Трансформация НАТО после Лиссабонского саммита 2010 г.: от обороны территории к защите всеобщего достояния // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4. С. 109.

² Hamblin J.D. Environmentalism for the Atlantic Alliance: NATO's Experiment with the "Challenges of Modern Society" // Environmental History. 2010. Vol. 15. N 1. P. 56–60.

³ Фененко А.В. Россия и борьба за передел приполярных пространств // МЭиМО. 2011. № 4. С. 28–29.

⁴ Воронков Л.С. Арктика на восьмерых // Россия в глобальной политике. 2013. № 3. С. 183; Фененко А.В. Россия и борьба за передел приполярных пространств // МЭиМО. 2011. № 4. С. 25–26.

⁵ Международные отношения России в «новых политических пространствах»: Космос. Приполярные зоны. Воздушные и морские пространства. Глобальная информационная сфера / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: ИПМБРАН, 2011. С. 68–69.

Приписывать НАТО и США как лидеру Североатлантического альянса стремление разрушать национальные государственные структуры едва ли оправданно. Такая линия шла бы вразрез с основным на настоящий момент направлением деятельности НАТО по углублению существующих партнерских отношений и поиску новых партнерств. Данная политика требует максимально задействовать государственные механизмы и способствовать их усилению¹. В 2000-е гг. НАТО уже отработала механизмы взаимодействия с партнерами в антитеррористических операциях «Средиземноморский диалог» и «Стамбульская инициатива о сотрудничестве» для стран Северной Африки и Персидского залива. Стратегическая концепция 2010 г. предоставляет возможность партнерам участвовать в разработке операций альянса в обмен на предоставление экспертных консультаций, организацию тренингов для военных и гражданских служащих, модернизацию экономики и социальной сферы².

* * *

В ряду задач США как лидера НАТО на одном из первых мест стоит уменьшение масштабов непосредственного участия американских вооруженных сил в боевых действиях при общем росте военного бюджета страны. Примером служит интервенция в Ливию в 2011 г. Сама операция, разработанная Объединенным командованием вооруженных сил США в зоне Африки, позднее была передана под руководство НАТО, получив название «Союзный защитник» («Unified Protector»). В основном она проводилась военно-воздушными и военно-морскими силами европейских стран-членов альянса. США отводилась координирующая и разведывательная роль³.

¹ The North Atlantic Treaty Organization. Wales Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Wales on 5 September 2014. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?mode=pressrelease> (дата обращения: 01.02.2015).

² The North Atlantic Treaty Organization. Lisbon Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Lisbon on 19–20 November 2010. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm?selectedLocale=en> (дата обращения: 01.02.2015).

³ Цыганок А.Д. Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд. М.: Институт стран СНГ, 2012. С. 115, 146, 170.

О том, что США намереваются отойти от роли «незаменимой державы» для своих союзников, свидетельствует военная доктрина администрации Обамы 2012 г.¹ Американское военное могущество помимо поддержания самых больших воинских контингентов за рубежом, распределенных по всем регионам планеты, теперь должно основываться и на значительно более пропорциональном участии союзников и партнеров в военных операциях².

Достижение этой цели преследует концепция «умной обороны» («smart defense»), принятая на Чикагском саммите НАТО 20 мая 2012 г. Главный пункт повестки дня был сформулирован как переход от «стратегического вовлечения» к «стратегической готовности». Одним из важнейших ее элементов является Инициатива объединенных сил (The Connected Forces Initiative)³. На конференции министров обороны стран НАТО 21 февраля 2013 г. было решено сделать ключевым элементом Инициативы Силы быстрого реагирования (NATO Response Force). Комплектуемые по принципу ротации стран-участников, Силы быстрого реагирования должны быть готовы к отражению экстренных угроз безопасности военного, природного и экологического характера⁴.

При составлении планов расходов на подготовку и проведение военных операций теперь учитываются сократившиеся финансовые возможности многих стран. В условиях режима жесткой экономии, на который перешли многие члены НАТО, предполагалось, что сокращение ассигнований отдельной страной будет согласовываться с другими на уровне саммитов и конференций⁵. Тем не менее стратегическая перегруппировка сил НАТО в Восточной Европе в 2014 г.

¹ U.S. Department of Defense. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. January 2012. Washington (D.C.), 2012. P. 2–4.

² Davidson M., Fournoy J. Obama's New Global Posture // Foreign Affairs. 2012. Vol. 91. N 4 (July–August). P. 54–63.

³ The North Atlantic Treaty Organization. Connected Forces Initiative. 2012. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_98527.htm?selectedLocale=en> (дата обращения: 01.02.2015).

⁴ The North Atlantic Treaty Organization. NATO Response Force. 2013. URL: <http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2013_10/20131018_131022-Media-Backgrounder_NRF_en.pdf> (дата обращения: 01.02.2015).

⁵ The North Atlantic Treaty Organization. Chicago Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Chicago on 20 May 2012. URL: <<http://www.nato.int/cps/en/SID-DD9ABE9A->

привела к далеко идущим изменениям в сфере планирования расходов на общие военные усилия союзников. В 2014 г. на саммите НАТО в Уэльсе все члены приняли на себя обязательства тратить на оборону не менее 2% ВВП, из которых 20% должны направляться на «оснащение оборудованием, включая проведение соответствующих исследований и разработок». Те союзники, у которых расходы не достигают намеченных показателей, обязались прекратить любые сокращения военных бюджетов, чтобы «ликвидировать пробелы в возможностях НАТО»¹. Так США продемонстрировали свое намерение доминировать над союзниками через атлантические структуры.

* * *

Важнейшим фактором, влияющим на разработку планов развития НАТО, является Афганистан, который выступает в роли испытательного полигона для США и их союзников. Операция Международных сил содействия безопасности (International Security Assistance Force), начатая в 2001 и завершившаяся в 2014 г., оказалась самой масштабной за всю историю альянса. Именно она стала следствием единственного в истории НАТО применения статьи 5 Вашингтонского договора 1949 г., согласно которой нападение на одного из членов является нападением на всех. На протяжении полутора десятилетий она служила самым главным испытанием атлантизма на прочность². Одновременно США получили возможность оценить перспективы использования НАТО в регионе, входящем в сферу собственно американских интересов.

В преддверии вывода войск коалиции был подготовлен план сохранения рычагов влияния: работа военных инструкторов альянса над повышением боеспособности Афганских национальных сил безопасности, борьба с коррупцией, обучение гражданских чиновников, создание сети высокоскоростного Интернета (SILK-Afghanistan) для

F88A2F8D/natolive/official_texts_87593.htm?selectedLocale=en> (дата обращения: 01.02.2015).

¹ The North Atlantic Treaty Organization. Wales Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Wales on 5 September 2014. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?mode=pressrelease> (дата обращения: 01.02.2015).

² Войтоволский Ф.Г. Идеология и практика атлантизма во внешней политике США: Дисс. ... докт. полит. наук. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 436.

правительственных и коммерческих структур. Значительную часть этих функций предполагается возложить на ООН, ЕС, Всемирный банк, союзников и партнеров¹.

Нынешнее состояние Афганистана далеко от умиротворения, особенно в свете результатов президентских выборов 2014 г., отразивших острую борьбу за власть, которая была приостановлена во многом при посредничестве США. В российских экспертных кругах часто поднимается тема провала политики НАТО в Афганистане, угроз государствам Центральной Азии со стороны талибов, высказываются версии о планах США перенести на ее территорию «контролируемый конфликт»². Афганские национальные силы безопасности пока еще представляют комфортную среду для деятельности агентов движения Талибан³.

Значение Афганистана для США и НАТО велико, особенно с точки зрения возможностей ограничивать торговлю России и Китая в Центральной Азии в рамках проекта «Нового шелкового пути», а также контролировать западные районы Китая⁴. Через Афганистан также пролегает путь к усилению контроля над Пакистаном, отношения с которым у США в последние годы складывались весьма не просто⁵.

Именно поэтому на саммите НАТО в Уэльсе в 2014 г. между Афганистаном и альянсом было заключено соглашение о начале новой миссии «Решительная поддержка» («Resolute Support»), в

¹ The North Atlantic Treaty Organization. NATO and Afghanistan. 2014. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_8189.htm (дата обращения: 01.02.2015).

² Афганистан после 2014 г.: вероятные сценарии развития региональной обстановки и стратегии России / Под ред. Г.Г. Тищенко, В.В. Карякина. М.: РИСИ, 2013. С. 18, 51, 54, 57, 67–68.

³ *Конаровский М.А.* Афганистан и новая неопределенность: Вызовы для России и Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2014. № 6. С. 106–115.

⁴ *Морозов Ю.В.* Американская стратегия в Афганистане после 2014 г.: стабильность или новый виток напряженности в регионе? // США–Канада: Экономика, политика, культура. 2013. № 7. С. 33–52; *Конаровский М.А.* Афганистан и новая неопределенность: Вызовы для России и Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2014. № 6. С. 106–115; *Евроатлантическая архитектура безопасности: новые вызовы, новые возможности* / Под ред. Г.Г. Тищенко, Е.С. Хотьковой. М.: РИСИ, 2012. С. 93.

⁵ *Krasner S.D.* Talking Tough to Pakistan // Foreign Affairs. 2012. Vol. 91. N 1 (January–February). P. 87–96; *Морозов Ю.В.* Американская стратегия в Афганистане после 2014 г.: стабильность или новый виток напряженности в регионе? // США–Канада: Экономика, политика, культура. 2013. № 7. С. 33–52.

рамках которой стране предоставляется 5,1 млрд долл. только в 2015 г. Она также предусматривает иные формы «политического и практического сотрудничества»¹. Данное решение стало дополнением к двустороннему соглашению США и Афганистана от 30 сентября 2014 г. относительно пребывания на территории этой страны ограниченного контингента американских войск и использования нескольких военных баз. Они призваны оказывать афганским вооруженным силам помощь, прежде всего разведывательную и тренировочную.

За счет присутствия в Афганистане, на рубежах Центральной и Южной Азии, США осуществляют «охват» Евразии, поскольку другой компонент военной политики и политики безопасности США — строительство новой многосторонней архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Нынешняя администрация придает ему большое значение уже с первых лет своего пребывания во власти. Сам Обама даже обещал стать «первым тихоокеанским президентом США»². Центральной задачей американской политики в АТР является сдерживание растущей военно-политической мощи Китая, а также контроль над северокорейской ядерной программой. Одним из инструментов является укрепление системы союзов и партнерств США с такими ключевыми государствами, как Япония, Южная Корея, Филиппины, Австралия, Новая Зеландия, и «вторым эшелон» в лице Малайзии, Сингапура, Вьетнама, Индонезии и Мьянмы. США проводят вместе с этими странами регулярные военные учения, по характеру приближающиеся к атлантическим³.

¹ The North Atlantic Treaty Organization. NATO and Afghanistan. 2014. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_8189.htm (дата обращения: 01.02.2015).

² U.S. White House. Remarks by President Obama at Suntory Hall. 14.11.2009. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hall> (дата обращения: 01.02.2015).

³ Лексюткина Я.В. «Возвращение в Азию» — внешнеполитический курс Б. Обамы: итоги пяти лет реализации // США–Канада: Экономика, политика, культура. 2014. № 10. С. 27–31; Лузянин С.Г., Гордиенко Д.В. Оценки уровня безопасности стран Северо-Восточной и Центральной Азии. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 7–9; Панов А.Н. США и многосторонние структуры по вопросам безопасности АТР // США–Канада: Экономика, политика, культура. 2013. № 9. С. 3.

Подводя итоги, можно отметить большую гибкость и динамизм США как лидера НАТО, признание ими многообразия мира. Важнейшей чертой современного атлантизма является стремление активно подключать союзников и партнеров по НАТО к отстаиванию глобальных интересов США, брать на себя исполнение невоенных функций: реагировать на нетрадиционные вызовы безопасности — такие, как изменение климата и сокращение доступных природных ресурсов, угроза для киберпространства. Альянс популяризирует свою деятельность путем проведения конференций, организации стажировок, взаимодействия с некоммерческими организациями. США успешно используют свое лидерство в НАТО для осуществления политического влияния на государства, которые заинтересованы в американской помощи с целью повышения их безопасности, одновременно перекладывая на них больше затрат на достижение военных успехов и реализацию инфраструктурных проектов. Осуществляется финансовая оптимизация военного сотрудничества. НАТО выходит за пределы традиционной сферы своей активности в Евроатлантике.

В то же время будет необоснованным преувеличением считать современное направление эволюции НАТО кардинальным разрывом со всем прошлым этого блока. Как и ранее, ее основной задачей является обеспечение присутствия США в Европе. Позиция США и руководства НАТО в украинском кризисе — лишнее тому подтверждение. Присутствие на Большом Ближнем Востоке, на границах Южной и Центральной Азии, будучи важной, но все-таки не ключевой частью глобальной стратегии Вашингтона, пока еще не вполне оправдало возлагаемые на него надежды как на важный фактор стабильности в регионе. Тем более преждевременно говорить о превращении НАТО в «глобальный альянс» или децентрализованную «сетевую» структуру, контролирующую природные, человеческие и информационные ресурсы. Однако сам характер инноваций, которые США под влиянием своего видения миропорядка привносят в атлантизм, требует пристального внимания, в том числе и в аспекте возможного заимствования некоторых его черт.

